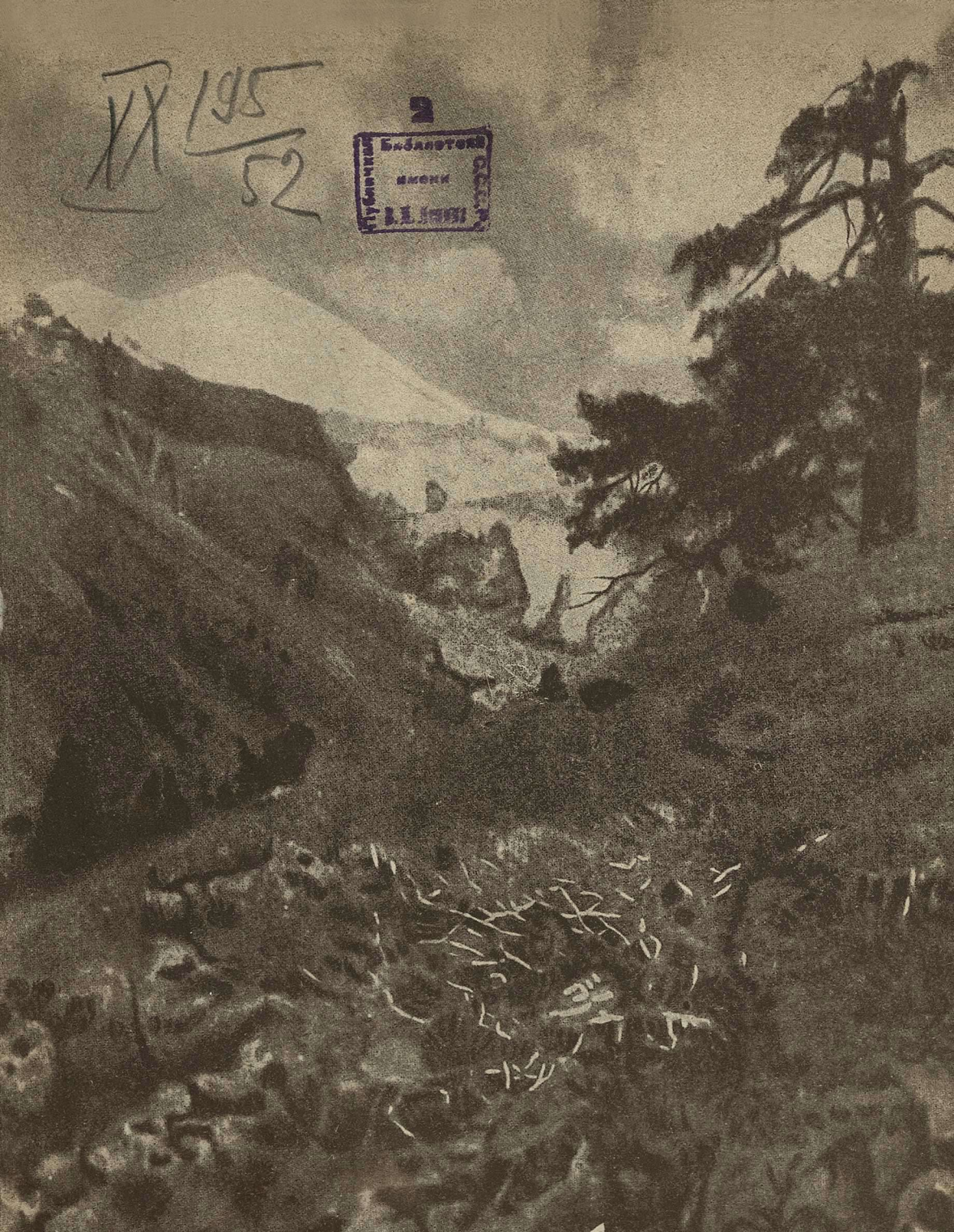
XX 195
52
2
Библиотека
имени

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

1929 г.
ПРИЛОЖЕНИЕ
К №2 ЖУРН.
„ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ"

ЦЕНА
15 коп.

ПО БЕЛОМУ ПЯТНУ

Из памирских впечатлений **Н. В. Крыленко**

Рисунки худ. **В. Щеглова**

I

В кольце гор. — Бездорожье. — Климат. — Песчаные степи. — Белые пятна. — Неведомая область. — Состав и цели экспедиции.

Редакция «Всемирного Следопыта» обратилась ко мне с просьбой поделиться с читателями впечатлениями от экспедиции на Памир, в которой я принимал участие. Я не буду останавливаться на личных переживаниях. Хотелось бы рассказать главным образом о том, что сделала экспедиция для достижения тех целей, которые она себе поставила, чего она, в конце концов, достигла в результате затраченных сил, времени, труда и материальных средств.

В одной из наименее исследованных местностей земного шара поднимается Памирское плоскогорье. Памир — это пустыня, но пустыня, находящаяся на высоте почти 4 километров над уровнем моря. Высочайшие горные хребты окружают со всех сторон Памирское плоскогорье. С севера тянется Заалайский хребет, отделяющий Памир от Киргизской республики; с востока идут Кашгарские горы, которые отграничивают Памир от Китая; с юга мы имеем Дарвазский хребет, который отделяет плоскогорье от Афганистана и Индии, а на западе возвышается хребет, отделяющий Памир от наиболее населенной части нашей Таджикской республики. О высоте этих хребтов вы можете судить по следующим данным: одна из вершин Заалайского хребта — пик Ленина — насчитывает 7 с лишним километров высоты; пик Мустаг-ата — свыше 8 километров; пик Царицы — 7 с лишним километров; Гармо — 6 900 метров. Плоскость Памира пересечена лишь немногими горными хребтами.

Чтобы проникнуть на Памирское плоскогорье, нужно пересечь один из замыкающих его хребтов. Но для того чтобы преодолеть хребет, нужно знать как его пройти: дорог там нет, есть лишь маленькие горные тропинки, по которым сравнительно редко проходят небольшие караваны верблюдов или вьючных лошадей; есть и такие тропы, по которым с трудом, цепляясь за скалы, может пройти только человек.

Все население Памирского плоскогорья кочевое — это киргизы, которые бродят по пустыне со своими стадами. Их всего несколько тысяч человек.

Памирское плоскогорье прежде всего замечательно озером Кара-куль, находящимся на высоте четырех километров над уровнем моря. По своим размерам это озеро может поспорить с крупнейшими озерами земного шара. Будучи трудно доступным, оно является мало исследованным: в значительной степени не изучены ни виды водящихся в нем рыб, ни характер его воды, ни геологические отложения на его дне.

Лишь в течение последних трех-четырех десятилетий удалось наладить более или менее правильное движение через Памир, после того как была проведена дорога от населенных пунктов Киргизии через все плоскогорье вдоль

озера Кара-куль до нашей афганской границы. На южной части этой границы был поставлен военный пост, и тем самым обеспечена безопасность движения караванов в этой малоизвестной области.

Климат на Памире суровый. Несмотря на то, что Памирское плоскогорье расположено на такой же широте, как южная часть Испании или Италии, климат его приближается к климату крайних северных областей Союза. Возможность земледелия исключена. Растительность чрезвычайно скудная, животный мир представлен полярными, степными и горными формами и также весьма небогат. Лишь в западной части Памир более или менее походит на привычную нам картину высокогорной долины. В центре же он представляет печальное зрелище. Песчаная степь — это то, с чем вы прежде всего сталкиваетесь. Лишь изредка среди необозримых голых равнин можно встретить одинокое дерево.

Гигантские горы, закрывая Памир от остального мира, в то же время дают возможность ветру свободно гулять внутри плоскогорья. Как на одну из характерных черт климата Памира, нужно указать на эти постоянно бушующие ветры, совершенно невыносимые для непривычного человека. Лишь привыкшие к разреженному воздуху горных высот киргизы могут жить на Памире. Когда туда попадает европеец, непривычный к горовосхождениям, он чувствует мучительные приступы так называемой «горной» болезни, которой заболевают почти все люди со слабым организмом. Начинается эта болезнь с легкого головокружения, потом появляются сердцебиение, одышка, нередко кровотечение из носа, кровохарканье; в результате все это настолько ослабляет организм, что иные погибают от разрыва сердца.

Автор печатаемых очерков Н. В. Крыленко в костюме альпиниста.

Научные исследователи Памира не могут похвастаться глубоким знанием этой страны. Для того чтобы проникнуть в Памир, нужно было затратить немало сил и материальных средств. Между тем, условия, в которых находились научная мысль и научная работа при царском строе, не способствовали изучению наших отдаленных окраин. В результате получилось, что Памирское плоскогорье таило в себе ряд таких местностей, на которые до сих пор еще не ступала нога человека.

Если вы посмотрите на карту Памирского плоскогорья, так называемую «двухверстку», вы увидите там целый ряд местностей, где нет никаких обозначений или где указаны пунктиром реки и горы, нанесенные на карту лишь по расспросам местных жителей. Таких мелких белых пятен на карте вы можете найти еще довольно много; правда, в большинстве случаев они невелики.

Однако одно из таких белых пятен занимает довольно большое пространство. Это крайняя западная часть Памира. Об этой части Памира было известно только, что посередине ее тянется с севера на юг высокий горный хребет; с юга ее окаймляет река Бартанг, вдоль которой проходит одна из дорог; с севера течет река Муук-су; на восток от этой области идет Памирский тракт к озеру Каракуль; однако, чтобы достичь этого тракта, надо пройти по пустыне около 100 километров; с запада же последние населенные пункты расположены на расстоянии не менее 50 килом. от этого района.

Об этой области ходили среди памирского населения

многочисленные легенды. Говорили, что некогда таджики, уходя от кочевников-киргизов, перебрались через один из хребтов и осели на его западной стороне. Когда нам приходилось сталкиваться с местными жителями и спрашивать, что они знают об этом хребте, они говорили: «Мы ничего не знаем. Туда никто не ходит, и вы туда не ходите. Ничего путного из этого не выйдет...»

В эту неисследованную область Памира и решила Академия Наук СССР послать научную экспедицию, чтобы дать точную карту данной местности. С другой стороны, экспедиция намеревалась привезти оттуда научные данные о почве, о геологическом составе гор, о полезных ископаемых (ходили слухи, что в данной местности находятся богатые золотые месторождения), о фауне и флоре (если таковые имеются). Наконец, кроме чисто научной, у экспедиции была и прикладная цель — дать сведения о том пути, каким нужно двигаться в эту область.

В экспедиции приняли участие русские и немецкие ученые различных специальностей (в том числе профессор Ленинградского университета Щербаков).

Для того чтобы проделать всю эту работу, нужно было также достаточное количество тренированных людей—альпинистов. Немецкое общество альпинистов, к которому обратилась за содействием Академия Наук, дало экспедиции лучших своих альпинистов. В СССР альпинизм еще недостаточно развит: у нас не было времени приобщить к этому виду спорта широкие рабочие массы. Мы, конечно, не могли похвастаться крупными альпинистами, и в экспедицию были приглашены те, кто имел известный опыт по части горовосхождений. Должен сказать, что наши советские альпинисты оказались на высоте положения.

В группу русских альпинистов вошли кроме меня: т. Розмирович Е. Ф. (единственная женщина, принявшая участие в экспедиции), доктор Россельс и Отто Юльевич Шмидт (редактор «Большой советской энциклопедии»). Немецкая группа состояла из пяти альпинистов. Было с нами два геодезиста-топографа—русский т. Дорофеев и немецкий ученый Финстервальдер—сделавших засъемки местностей с высоких пунктов. Московский зоологический парк послал своего работника т. Соколова, чтобы достать экземпляр архара — горного барана. В Европе имеется не больше двух чучел этого редкостного животного. Между тем на Памире архары бродят стадами по нескольку десятков голов.

Во главе экспедиции стал т. Горбунов управляющий делами Совнаркома СССР, человек, который на ряду с основной работой нашел время и для научной работы. Он взял на себя труд организовать экспедицию и провести ее.

Так составилась наша экспедиция. Ее первая часть, а именно—немецкая группа, выехала из Москвы значительно раньше, мы же, связанные исполнением служебной работы, смогли использовать для экспедиции лишь свои очередные отпуска и выехали из Москвы 17 июля. 26 июля мы, проехав по железной дороге через Самару, Оренбург, Ташкент и Андижан, достигли маленького городка Ош, последнего культурного центра на нашем пути. Оттуда мы должны были следовать уже верхом через горы и пустыни, до границ неисследованной области.

II

Два Ташкента. — Гнет вековых традиций. — Под черным покрывалом. — Родовой быт в Киргизии. — Выступление из Оша. — По долине Ак-туры. — Через Алайский хребет. — Первые жертвы.

Прежде чем приступить к изложению отдельных эпизодов, имевших место на пути экспедиции от Оша до неисследованной области Памира, позвольте поделиться впечатлениями о той области, которую пришлось проехать до Памира, прежде всего о нашей окраине — Узбекистане, в частности Ташкенте, а также о Киргизии.

Ташкент до сих пор производит впечатление города, где еще очень много старого, нетронутого быта, ветхих вековых традиций. Немало еще придется поработать, пока удастся в полной мере поднять население Узбекистана до уровня культурной жизни нашего Союза.

Город делится на две части: старый и новый город. В то время как новый город представляет собой полное подобие обычного русского города, старый город, когда в него впервые въезжаешь, производит впечатление, словно он застыл таким, каким был несколько сот

лет назад. Маленькие узкие улички, грязные скученные жилища, типичные для Средней Азии костюмы узбеков — все это так непривычно для жителя центральной части нашего Союза. Вы чувствуете, что попали в чужую страну. Когда вы соприкасаетесь с этим миром ближе, вы убеждаетесь, что первое впечатление вас не обмануло.

На площадке теснились люди и лошади... Перед нами был обрывистый каменистый спуск...

Больше всего вас поражает внешний вид женщин-узбечек. В длинных цветных балахонах, под черными покрывалами, закрывающими лица, робко, осторожно пробираются они по темным уличкам. Лишь изредка украдкой осмеливаются они слегка приподнять покрывало. Тех, которые дерзают поднять покрывало и взглянуть на чужого человека, ждет за это кровавая месть со стороны мужа и семьи... Вы чувствуете, что здесь еще нетронутая область для работы, что оздоровляющее влияние революции, освободившей восточную женщину от деспотизма старых обычаев, в этой стране еще не сказалось в достаточной степени.

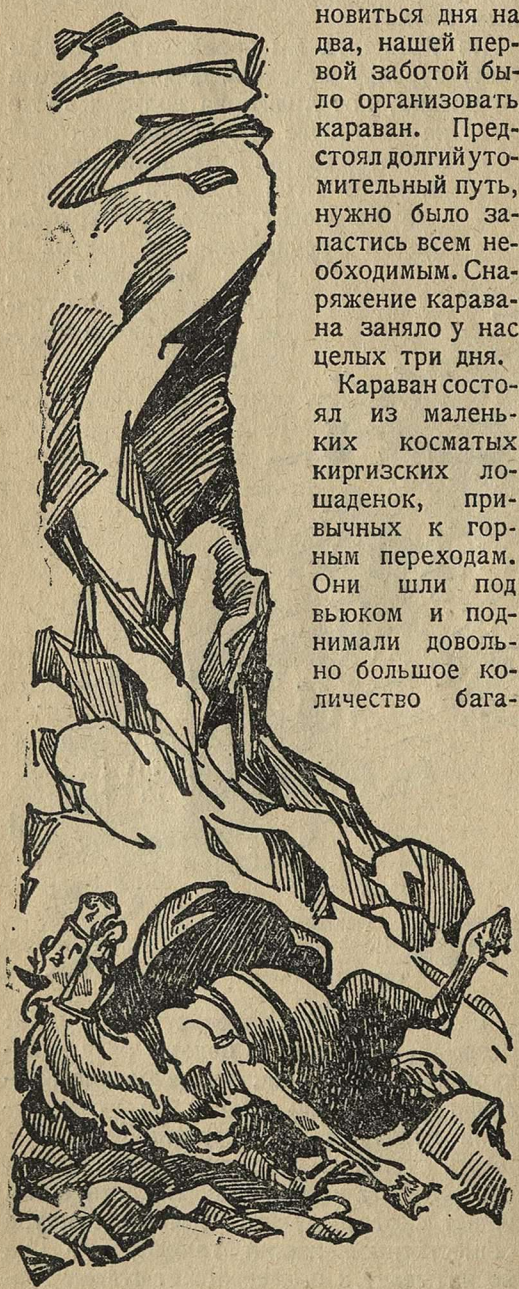
Мне приходилось видеть, в частности в Оше, где я посетил тюрьму, людей, осужденных за убийство женщин. На мои вопросы, за что они убили, они даже не могли ответить. Им было непонятно, как это они, хозяева жен, не могут распоряжаться ими как хотят. Я видел также, какими взглядами ненависти провожали нас старики — носители традиций. Все то новое, что принесла с собой революция, им представляется ужасным злом.

Из Ташкента мы проехали по последнему отрезку железной дороги до города Андижана, а от Андижана добрались уже на автобусе до Оша, который входит в состав Киргизской республики. В этой области женщины уже не носят черных покрывал. Однако впечатление от нравов и быта населения повсюду было достаточно удушливое и мрачное.

Если население Узбекистана, будучи оседлым, привыкло к целому ряду культурных форм жизни, то население Киргизии не доросло еще и до этой степени культуры. В Киргизии нам пришлось столкнуться с другими остатками старого быта и традиций. Население там живет скотоводством. Самая структура общественной жизни такова, что она воспитывает и поддерживает старые традиции кочевого быта — власть начальника рода и старейшин, перед которыми

все должны преклоняться. Не даром отдельные товарищи, с которыми пришлось вести беседу, говорили, что в целом ряде кочевых советов имеют место старая власть, старые порядки, и советский строй в его настоящем понимании еще не проник в Киргизию.

Когда мы добрались до Ош, где должны были остановиться дня на два, нашей первой заботой было организовать караван. Предстоял долгий утомительный путь, нужно было запастись всем необходимым. Снаряжение каравана заняло у нас целых три дня.

Скользя с одного камня на другой, лошадь упала на дно лощины...

Караван состоял из маленьких косматых киргизских лошаденок, привычных к горным переходам. Они шли под вьюком и поднимали довольно большое количество багажа. Мы, конечно, могли бы заменить их ишаками, могли бы для больших грузов взять и верблюдов, но именно потому, что нам предстояли перевалы по узким горным тропинкам, лошади представлялись наиболее подходящим средством передвижения. Мне, т. Розмирович и Горбунову местные товарищи из отряда пограничной охраны любезно предоставили прекрасных верховых лошадей.

26 июля в 4 часа дня наш караван был готов к выступлению. Группа альпинистов в 4 человека, проф. Щербаков, его помощник—студент Горного института Юдин, два представителя кино Межрабпомфильм, которые ставили себе задачей заснять наиболее интересные моменты экспедиции, 5-6 караванщиков-киргизов и 30 с лишним вьючных лошадей — вот в каком составе мы двинулись из Ош.

В первые дни пути наша экспедиция не встретила ничего замечательного. Правда, дорога была достаточно красива, но это была обыкновенная горная тропинка, которая шла по берегу реки Ак-туры среди черных скалистых гор, иногда среди мелких групп деревьев. Ничего характерного для Средней Азии эта дорога не представляла.

Четыре дня мы ехали по долине вдоль Ак-туры. Когда вы едете по этой горной тропинке, вам иной раз кажется, что дальше проехать нельзя — тропинка не более полуметра шириной. Посмотришь вниз — крутые скаты; окруженные щебнем острые камни, торчащие со всех сторон; глубоко-глубоко внизу бурлит река. Посмотришь вверх — те же камни, щебень и песок. Странное впечатление испытываешь от езды верхом по этой горной тропинке. Хочется управлять лошадью, а как раз этого-то и не следует делать. Лошади сами спокойно и уверенно идут по тропинке. Кто вздумает управлять лошадью, тот рискует сделать неверное движение и сбить ее с проторенного пути.

На четвертый день путешествия мы подъехали к Алайскому хребту, через который прежде всего должны были перевалить. Перевал проходил на высоте 4000 метров. Это высота крупнейших гор Европы. У нас на Кавказе нетающий снег лежит уже на высоте 2500—2600 метров, а здесь (в виду того, что

географически это более южная местность) снег не тает лишь на высоте 3500—4000 метров. Разбив лагерь у подножья этого перевала—на высоте 3000 метров,— мы даже не заметили, что находимся на такой высоте. Кругом была еще сплошная зелень, повсюду небольшими группами росли елочки.

Наутро, когда мы собирались в путь, был большой туман, застилавший окрестные вершины. Моросил мелкий дождик. Путь был виден лишь на несколько шагов вперед. Такая погода, конечно, не предвещала нам ничего хорошего. Однако нам нужно было торопиться, чтобы вовремя выполнить намеченный план действий.

Мы выехали вперед. Караван шел позади. Наша небольшая группа вскоре значительно опередила караван. Однако, чем выше мы поднимались по маленькой тропинке, тем становилось труднее итти. Щебень под ногами был мелкий и мокрый; кое-где попадались полосы снега. Повороты пути делались все круче, и в конце концов мы очутились перед снежным полем, круто поднимавшимся вверх. Туман все время усиливался, и если лошадь вашего попутчика уходила шагов за 10—15 вперед, ее уже не было видно и приходилось вести свою лошадь по следу. Мы должны были спешиться и итти по снегу.

Мы довольно быстро прошли первую полосу снега; когда мы вступили во вторую полосу снега, нас встретило первое препятствие, которое затормозило движение. Лошадь т. Горбунова поскользнулась, оступилась с тропки и забилась в снегу. Тов. Горбунову пришлось, зарывшись в снег, изо всех сил держать ее, чтобы не съехать вниз вместе с ней. Кое-как он поднял лошадь и пошел дальше. За ним двинулись остальные. Вторым шел доктор Россельс. Он сообразил, что, если пойдет по той же дороге, где свалилась лошадь Горбунова, его лошадь также упадет, так как в этом месте снег был сбит, и сделалось скользко. Поэтому он пошел прямо целиной по снегу, стараясь обойти скользкое место. За ним проскочил и я. Чтобы подняться на хребет, оставалось еще пройти шагов сто по снежному полю. Мы быстро прошли это расстояние и остановились на гребне перевала — на маленькой узкой площадке среди обрывистых утесов.

Сверху нам видно было все движение каравана. Вот он направляется по той сбитой тропочке, где едва смогли пройти налегке наши лошади, а караван идет с тяжелыми ящиками и тюками. Началась передряга, отнявшая у экспедиции много сил и времени. Лошади падали и бились в снежных ямах и рытвинах, оставшихся от наших лошадей. Люди должны были помогать им, и лишь с большим трудом и со значительной затратой времени вьючные лошади смогли пройти этот кусок снежного пространства.

На месте деревянной пирамиды мы поставили другую из камня...

Вскоре перед нами встало второе препятствие, которое оказалось еще труднее. Как я уже сказал, мы стояли на площадке на самом верху перевала. Отсюда

нужно было спускаться вниз. Все тридцать лошадей нашего каравана не могли поместиться на небольшой площадке, и часть лошадей пришлось тотчас же спускать вниз. Это было бы, в конце концов, не так трудно, если бы не туман, который за это время окончательно нас окутал. В двух шагах вокруг не было ничего видно. Все говорило за то, что мы едва ли благополучно спустимся.

Дождь, слякоть, грязь под ногами, мелкий снег. На площадке теснились люди и лошади. Если на хребет мы поднимались по снежному склону, хотя и крутому, но тем не менее представлявшему упор для ног, то теперь перед нами был обрывистый каменистый спуск; приходилось перебираться с одной острой скалы на другую.

Мне, Розмирович и Россельсу пришлось спускаться первыми. Держа лошадей на поводу, мы благополучно миновали первое препятствие — груду камней. Вскоре мы вступили в полосу тумана, из-за которого ничего не было видно; приходилось итти весьма осторожно, всматриваясь, куда бы поставить ногу.

Так мы добрались до более или менее широкой площадки, где можно было отдохнуть. Наконец спустились мы на большую зеленую площадку, отделявшую крутой каменистый спуск от более пологого. Мы прождали там час с лишним. Однако сверху никто не появлялся, и мы решили спускаться дальше. Часа через 2-3 мы очутились в долине небольшой речки, протекавшей в скалистых берегах. Каравана все еще не было видно. Товарищи догнали нас лишь через несколько часов.

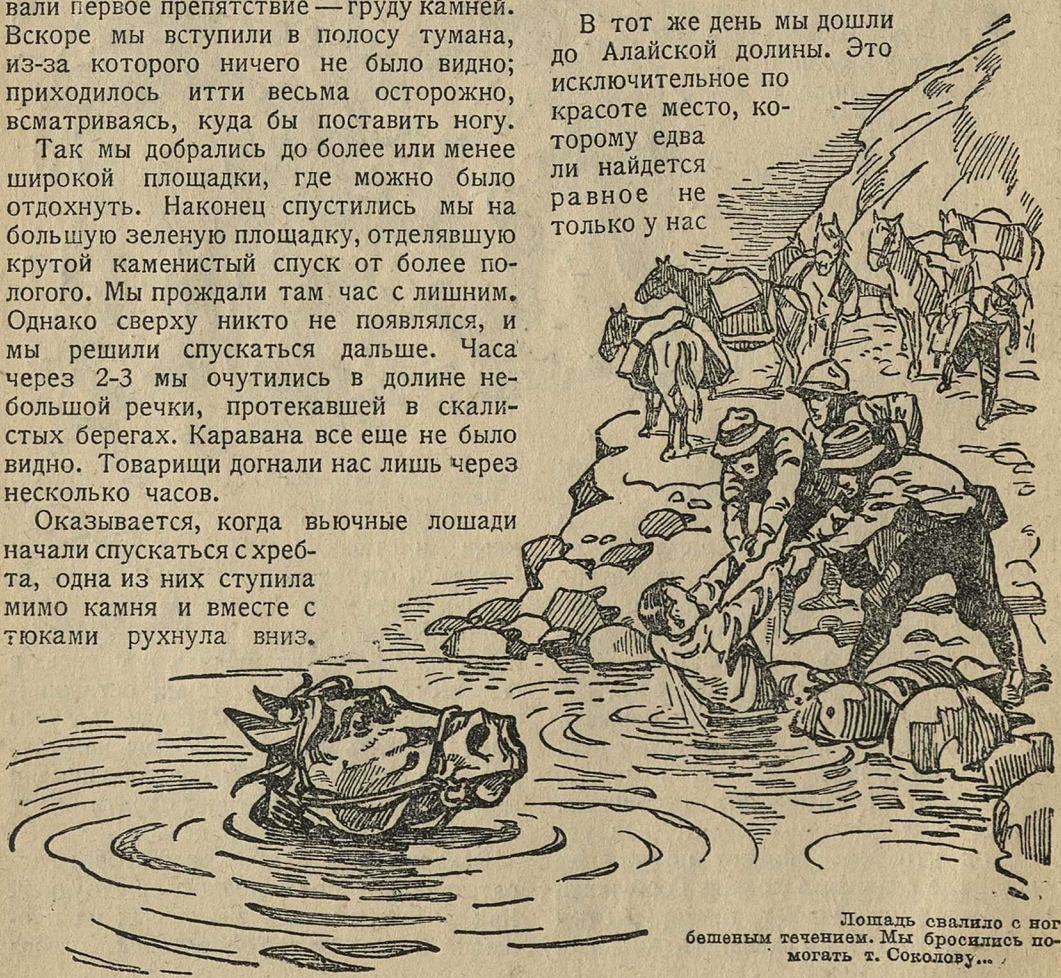
Оказывается, когда вьючные лошади начали спускаться с хребта, одна из них ступила мимо камня и вместе с тюками рухнула вниз. Скользя с одного камня на другой, она упала на дно лощины и разбилась насмерть. Другая лошадь также не удержалась на тесной площадке и свалилась в пропасть, сломав себе хребет...

Это были наши первые жертвы. Товарищи рассказывали нам, как жалко было смотреть на этих славных, преданных животных, лежавших с окровавленным черепом и поломанными ногами внизу на камнях. Таково было первое предостережение, которое нам дала горная природа. Привычные к горным тропинкам лошади пали жертвой не столько своей неосторожности, сколько тумана, непогоды и трудностей пути.

III

В Алайской долине.— «Козлодранье».—Долина смерти. — На берегах Кара-куля. — Необитаемый остров. — От Коджарской долины до реки Танымас. — Опасная переправа.—Соколов ныряет. — На материальной базе.

В тот же день мы дошли до Алайской долины. Это исключительное по красоте место, которому едва ли найдется равное не только у нас

Лошадь свалило с ног бешеным течением. Мы бросились помогать т. Соколову...

В лагере, раскинутом у подножья ледника, находились запасы продовольствия...

в Союзе, но и на всем земном шаре. Представьте себе широкую долину на высоте 3000 метров, 150 километров в длину и 20 километров в ширину, запертую с обеих сторон высочайшими горными хребтами: с одной стороны — Алайским, с другой — Заалайским. Поразительно красив Заалайский хребет, представляющий собой гигантскую снежную цепь вершин, возвышающихся более чем на 6000 метров; высочайшая из них — пик Ленина — подняла свою снежную голову на высоту 7300 метров.

В Алайскую долину, покрытую сочной густой травой, в летние месяцы стекаются киргизы-кочевники, зимой же там пусто и безлюдно. В этой долине мы провели несколько суток. В будущем она, вероятно, будет одной из лучших климатических станций нашего Союза.

Между прочим, в Алайской долине мы видели одну из старинных диких игр киргизов, так называемый «улук», или «козлодранье». Заключается она в том, что собравшиеся местные молодцы верхом на лошадях стремятся вырвать друг у друга и увезти тушу козла; люди и лошади при этом так звереют, что нередки смертные случаи. Отбить козью тушу в этой свалке считается большим геройством. Эта зверская игра постепенно выходит из моды; об этом, конечно, не приходится жалеть.

Нам предстояло теперь перебраться через Заалайский хребет (4200 метров). Однако, несмотря на то, что этот второй перевал был выше перевала через Алайский хребет, он оказался гораздо легче, потому что здесь проходит большой Памирский тракт.

Самый интересный момент был после перевала, когда мы попали в долину реки Маркан-су, покрытую мелким щебнем. Ветер свободно гуляет, поднимая огромные клубы пыли, засыпающей все кругом. Ветры и страшные снежные бури господствуют над долиной, и горе живому существу, которое во время бури окажется у реки Маркан-су! Не даром остаться на ночовку в долине Маркан-су считается несчастьем. Нам пришлось провести одну ночь в этой мрачной долине.

Несколько лет назад в этой долине погиб наш военный отряд, захваченный бурей: из полутораста человек не осталось ни одного, который мог бы принести весть о страшной участи, постигшей отряд...

Когда вы идете по долине Маркан-су, вам кажется, что вы попали в Сахару или проходите пустыню Гоби. Кругом песок и голые камни. На песке вдоль дороги валяются кости и трупы верблюдов, лошадей, ишаков, павших в пути. Благодаря высоте и сухости воздуха, трупы здесь долго не разлагаются. Мы постарались как можно скорее миновать печальную пустыню, которую здесь называют «преддверием жилища сатаны»...

Лишь на третий день после нашего выступления из Алайской долины мы добрались до Кара-куля. Перед нами широко расстилалось знаменитое озеро. Как известно, Кара-куль является одним из крупнейших высокогорных бассейнов

мира (более 260 квадратных километров). Озеро это несколько напоминает море: вода в нем горько соленая, то светло-зеленого, то темносинего цвета. Вокруг озера, со всех сторон, на расстоянии 10-12 километров от берега подымаются мощные снежные хребты. Одна из соседних вершин достигает 5600 метров. Среди снеговых гор Кара-куль — гигантский изумруд в серебряной оправе.

Тов. Шмидту, мне и Россельсу удалось взобраться на одну из окрестных гор высотой в 5300 метров. Когда мы с ее вершины, на которую до нас не ступала нога человека, посмотрели на расстилавшееся внизу озеро в причудливо изрезанных берегах, на величественный горный ландшафт—мы должны были признаться, что еще не видали такой красоты (а все мы достаточно побродили по свету).

Мы пробыли на Кара-куле пять дней, наслаждаясь заслуженным отдыхом.

У озера же находилась метеорологическая станция экспедиции, где наши молодые метеорологи производили систематические измерения температуры воздуха и силы ветра. Здесь же была расположена и наша радиостанция, при помощи которой мы сообщались с культурным миром. Наши радиотелеграммы посылались во все концы мира; связь нами была установлена не только с Москвой и Ленинградом, но и с некоторыми пунктами Западной Европы.

Мы посетили один из островов озера Кара-куль, необитаемый потому, что до него не на чем добраться: никакой лодчонки здесь нет, сделать ее не из чего, надо отойти километров на сто в сторону, чтобы найти хоть подобие деревца. У нас с собой была маленькая лодка, сделанная из просмоленного полотна. Как некие робинзоны, мы добрались до необитаемого острова и установили, что на этом клочке земли нет ничего — ни зверушки, ни пичужки, ни травинки. Мы нашли на острове лишь остатки деревянной пирамиды, поставленной учеными, посетившими остров еще до революции. На ее месте мы поставили другую пирамиду из камня.

10 августа мы тронулись из нашего лагеря, направляясь к хребту Танымас. Памирский тракт от озера идет на юг, к военному памирскому посту, а нам нужно было итти на запад. Итак, мы двинулись без всякой дороги, руководствуясь только картой (нужно сказать, недостаточно точной). Впрочем, раньше нас здесь прошли немецкие альпинисты, так что мы шли по более или менее проторенному пути.

Остановлюсь лишь на одном моменте этого перехода. Мы подошли к Коджарской долине. Долина эта расположена километрах в 15 от последнего пункта, до которого ранее доходили научные исследователи, — от реки Танымаса, вырывающейся из ледников пограничного Памирского хребта. В Коджарской долине находится последний населенный пункт, куда еще доходят киргизы со своими юртами в поисках пастбища или сопровождая караваны с товарами. Проводники уверяли, что необходимо в этом месте перевьючить лошадей, уменьшив груз, так как спуск к реке весьма крут, и лошадям трудно будет удержаться на скалах с большим грузом.

Перевьючивание лошадей заняло один день. Мы использовали остановку, чтобы подняться на ближайшую вершину. Вершина эта, поднимавшаяся над нашим лагерем, была сравнительно невысока — 5100—5200 метров. Мы взобрались на вершину, и перед нами открылся величественный вид на весь западный хребет — цель наших стремлений. Гордо возвышалась цепь снежных вершин; острые пики вонзались в небо; ослепительно сверкали ледники и безбрежные снежные поля. На одной из соседних вершин мы обнаружили деревянную пирамиду, построенную геодезистами во время прежних научных экспедиций. Пирамида эта в дикой безлюдной местности произвела на нас сильное впечатление.

15 августа мы выступили из Коджарской долины по направлению к реке Танымас. Нам предстояло долиной этой реки пройти к еще неисследованной области Памира. Когда мы подошли к каменному спуску, он оказался не таким крутым, как нам рассказывали, хотя у наших предшественников здесь погибла одна лошадь, ценный геодезический аппарат и несколько тюков, свалившихся в пропасть.

Мы спустились довольно удачно. В одном месте пришлось итти по голой

скале. Человек мог здесь пройти более или менее легко, но лошади пробирались с огромным трудом...

Наконец мы очутились в широкой долине реки Танымас. Последним препятствием была река, которую нам пришлось шесть раз под ряд переходить в брод. Горные реки имеют ту особенность, что, по мере того как поднимается солнце и усиливается таяние снега в горах, уровень воды повышается, течение становится все более бурным. Если вы утром можете перейти такую речку по колено, то днем вода будет вам по грудь, и противостоять ее бурному напору весьма трудно.

Первые три переправы мы проделали легко, со смехом и шутками, брызгая друг в друга водой. Однако уже четвертая переправа заставила нас призадуматься, а подходя к пятой, мы увидали, что вода значительно поднялась. Как мы ни поджимали ноги, они неизменно оказывались в воде. Справились мы и с этой переправой. Когда мы в шестой раз вошли в воду, стараясь держаться ближе друг к другу, я видел, с каким трудом лошадь выдерживает напор воды. Кое-как мы все же перешли и этот брод и на другом берегу поджидали остальных.

С т. Соколовым едва не произошло несчастье. Он отстал от нас и пустил лошадь в воду, когда мы были уже на другом берегу. Не рассчитав, он попал в глубокое место, где лошади было по шею, и когда он находился на расстоянии 5-6 шагов от берега, его лошадь свалило с ног бешеным течением. Наш товарищ, как был—в пальто и в очках,—прыгнул в воду, которая его тотчас покрыла. Мы бросились, к нему на помощь. К счастью, он тут же вынырнул сам. Мы укутали пострадавшего в теплые одеяла, чтобы он согрелся. Этот случай доказывал, что в известные минуты мы можем оказаться беспомощными перед трудностями пути. Если бы наш товарищ попал в беду на середине реки, мы, конечно, не могли бы его спасти...

Через несколько минут мы подошли к нашей основной материальной базе, расположенной в верховьях реки Танымас. Здесь встретили нас уже давно работавший в этом месте топограф т. Дорофеев и прибывший месяца за два до нас начальник немецкой части экспедиции Рикмерс. Отсюда мы могли продолжать наше путешествие только пешком,—с лошадьми мы должны были здесь расстаться. Лишь через три недели после отъезда из Москвы мы добрались до необследованной области Памира...

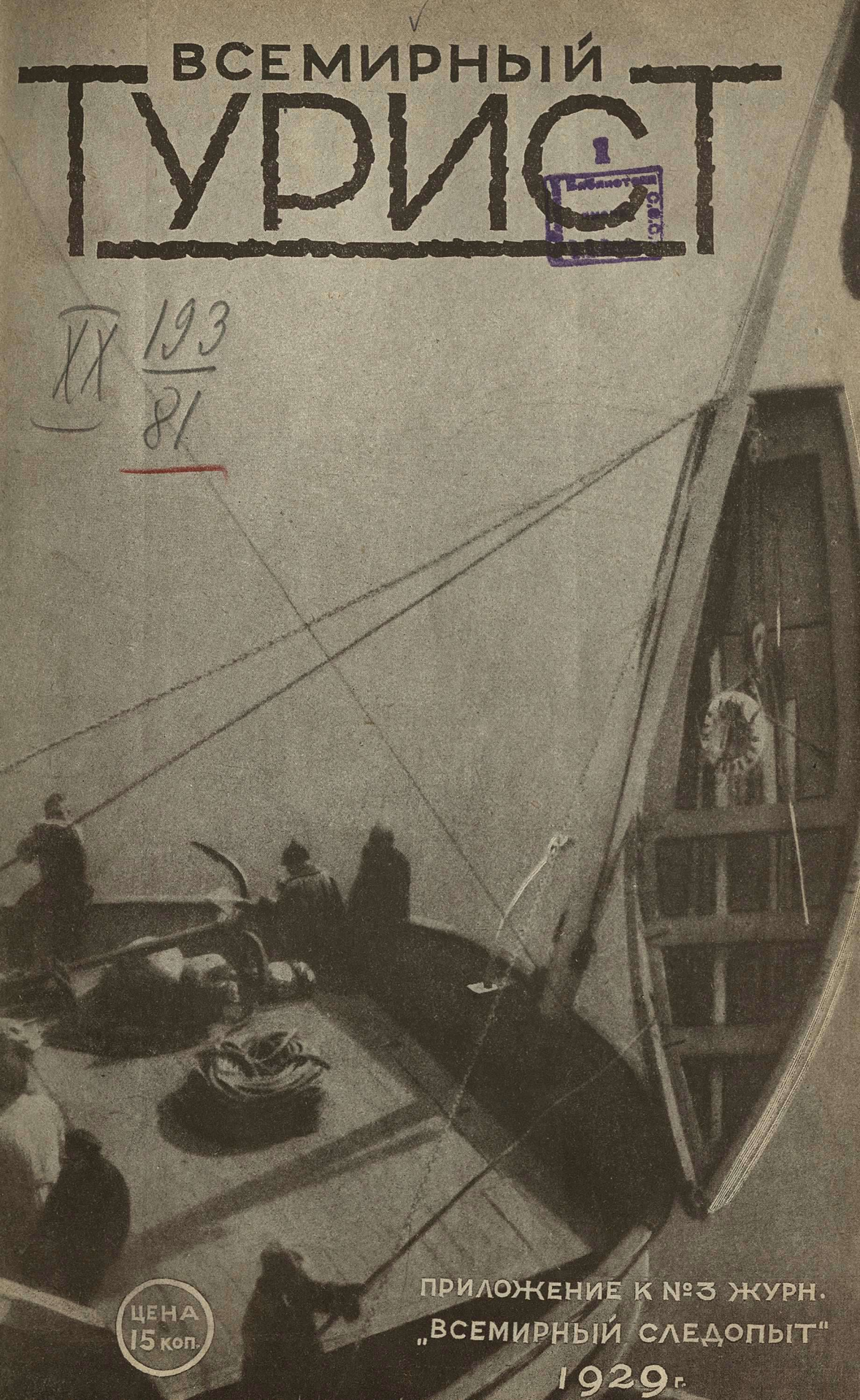
В лагере, расположенном у самого подножья ледника, находились запасы провианта, главная кухня, склад необходимых припасов и снаряжения. Наша оперативная экспедиционная база была расположена метров на 700 выше, и туда можно было добраться только пешком. На этой базе уже давно находились немецкие альпинисты и часть наших русских работников.

(Окончание в следующем номере)

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

XX 193
81

ЦЕНА 15 коп.

ПРИЛОЖЕНИЕ К №3 ЖУРН.
„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ"
1929 г.

ПО БЕЛОМУ ПЯТНУ

Из памирских впечатлений **Н. В. Крыленко**

(Окончание)

Рис. худ. **В. Щеглова**

IV

У порога неведомой области. — Военный совет. — Мы с Горбуновым разделяемся. — Во льдах Танымаса. — В поисках перевала. — Злосчастные рукава. — Ледяное купанье. — По каменному берегу навстречу огоньку. — Неожиданная встреча. — Кишлачный совет в недрах Памира. — Гостеприимные ванчцы. — Поселок из двух лачуг.

Перед нами расстилался большой ледник реки Танымас. Мы находились на последнем пункте, куда достигала нога человека. Дальше мы должны были двигаться по неисследованным путям. Прибывшие сюда за полтора-два месяца до нас русские и немецкие ученые и немецкие альпинисты должны были проделать предварительную рекогносцировочную работу. Однако им удалось сделать лишь сравнительно немногое.

Мы долго не задерживались в первом лагере и на следующий же день двинулись дальше пешком. Накануне выхода мы держали генеральный совет — как нам быть, с чего начать исследование неизведанной области. Из обследований, произведенных до нас, было установлено лишь, что река Танымас упирается в большой ледник, который стекает с высоких вершин огромного снежного хребта. По этому леднику нам предстояло пройти приблизительно 25 километров, затем мы должны были выйти на другой поперечный ледник, который идет параллельно гигантскому снежному хребту, пересекающему всю необследованную область с севера на юг. Этот второй ледник был также пройден нашими товарищами километров на 10-15 в каждую сторону. Пытались они перебраться и через хребет; дважды им удавалось подняться на вершину хребта и один раз спуститься по другую сторону, однако, они не смогли ориентироваться в незнакомой местности и вернулись назад. По прежним картам было известно только, что с той стороны хребта из ледника вытекают две больших реки — Ванч и Язгулем.

Мы выработали сообща следующий план: пройти по Танымасскому леднику, подойти к снежному хребту, найти перевал, переправиться через него, обследовать верховья двух рек и, наконец, обратно перевалить через хребет и вернуться в основную базу.

Нам предстояло также найти два перевала, о которых говорила легенда. Она называла даже их имена — Кашалаяк и Танымас; один шел к реке Ванч, другой — к реке Язгулем. Для того чтобы разыскать истоки рек по ту сторону хребта, нам необходимо было иметь в неисследованной местности какой-нибудь ориентировочный пункт. Мы решили разделиться: Горбунов с несколькими товарищами должен был по реке Бартанг обогнуть весь хребет с юга, пройти по проложенным ранее путям и уже с той стороны подойти к верховью Язгулема. Наша же группа должна была перебраться через хребет по неисследованному пути, пройти к Язгулему, там встретиться с Горбуновым и уже вместе с ним вернуться обратно. Таким образом, если бы нам это удалось, необследованная область была бы нами дважды пересечена по хребту — с востока на запад и с запада на восток; после этого можно было бы двинуться на север до последнего населенного пункта и пересечь таким образом ту же область с юга на север.

На следующий день группа Горбунова двинулась на юг, а мы направились вдоль Танымаса ко второму лагерю. Итти нам предстояло по леднику.

Сразу же перед нами встали большие трудности. Кругом громоздились ледяные горы и снежные холмы; там и сям ледник был пересечен бездонными пропастями. В голубом льду зияли пещеры и гроты. Для того чтобы пройти по этой гигантской массе льда, мы должны были пустить в ход все основное альпинистское снаряжение — надеть «кошки» (стальное приспособление с 8 зубьями, которое прицепляется к ногам для большей устойчивости), связаться на всякий случай веревкой и одеться потеплее.

Переход был крайне тяжел. Чтобы одолеть 14 километров, отделявших второй лагерь от первого, нам потребовалось 9-10 часов. Когда мы подошли ко второму лагерю, мы были удивлены его местоположением. Перед нами расстилалось ровное снежное поле, по которому протекал Танымас. На поле были раскинуты палатки, которые отныне должны были служить нам постоянной базой. Прямо против палаток гигантским снежным куполом на высоту 5600 метров поднималась гордая вершина.

Мы застали во втором лагере немецких альпинистов и нашего топографа Дорофеева, с которым и решили приступить к исполнению нашего плана. Прежде всего нужно было разыскать перевал. Для этого мы разбились на три группы, которые должны были пойти по разным направлениям и тщательно обследовать ледник и его ущелья. Наша группа в составе Шмидта, Дорофеева, меня и двух немцев направлялась на север к одному из глубоких ущелий, где мог находиться перевал.

Мы выступили рано утром 19 августа, легко прошли первые 4 километра по Танымасу и вышли на основной ледник. Это самый большой ледник в мире (72 километра в длину и 12-15 километров в ширину!) На протяжении всего ледника со всех сторон поднимаются высокие снежные хребты, пересеченные глубокими ущельями.

Чтобы пересечь ледник в ширину, нам потребовалось 12 часов; наконец мы добрались до входа в намеченное нами ущелье. Вышедшие вместе с нами двое немецких альпинистов пошли через другое ущелье, расположенное километра на четыре к северу от нашего; мы условились через три дня встретиться в оперативном лагере, поделиться результатами наших исследований и выбрать наилучший путь для переправы через хребет.

Наша группа — Шмидт, Дорофеев и я — двинулась в ущелье и заночевала на высоте $4^1/_2$ километров в большой снежной впадине. С нами были две палатки, спальные мешки, в которых можно было лежать прямо на льду, и полное альпинистское снаряжение.

Наутро, несмотря на большой мороз (морозы бывают здесь свыше 15°), мы двинулись на приступ снежного хребта. Мы надели кошки и запаслись ледорубами для подъема по снежной стене.

Часам к 12 дня мы одолели хребет. Мы находились на высоте 4800 метров. Позади нас расстилалась пройденная нами снежная пустыня, впереди находился крутой спуск, покрытый камнями, льдом и снегом, а со всех сторон громоздились белоснежные и черные вершины. Тучи клубились вокруг гор, порою застилая их мощные гребни. Внизу виднелся ледник, который соединялся с другим ледником, заворачивал в расщелину и где-то пропадал.

Мы решили спуститься вниз и посмотреть, куда идет дальше ледник. Связавшись веревкой, мы бегом спустились по ледяному скату и достигли нового снежного поля. Вскоре перед нами открылся еще более крутой ледяной отвес.

Мы решили отдохнуть перед дальнейшим спуском. Мне пришло в голову взобраться на соседнюю гору, чтобы осмотреться. С вершины ее я увидел много интересного. Тот ледник, который мы только что видели, заканчивался лощиной, покрытой кое-где зеленой травкой. Наличие травы доказывало, что лощина была расположена довольно низко: если я стоял на высоте около 5000 метров, то лощина находилась не выше 3000 метров. Другими словами, до этой лощины нам предстоял спуск в 2 километра по вертикали. Я крикнул товарищам, что впереди открывается лощина и что, следовательно, надо итти в этом направлении.

Когда товарищи подошли, тучи, скрывавшие ближайшие вершины, рассеялись, и в просвете между двумя вершинами мы увидели за лощиной большую широкую долину, по которой серебряной лентой извивалась река. Итак, нам предстояло спуститься в речную долину, по которой мы смогли бы добраться до населенной местности, установив таким образом перевал через хребет.

Мы могли считать, что задача нашей разведочной группы выполнена, и поэтому решили итти обратно к товарищам, оставшимся в лагере, чтобы на другой день двинуться уже всем вместе по открытому нами перевалу.

Мы вернулись в лагерь. Оказалось, немецким группам не посчастливилось. Одна из них, которая пошла на юг, ничего не открыла, потому что ее застигла снежная буря, а с другой случилось следующее: они также нашли спуск к реке, спустились вниз, пытались эту реку перейти, но неудачно — их подхватило течением и поранило о камни. Пришлось послать за этой группой спасательную экспедицию. Дней через шесть почти умирающих от усталости и голода альпинистов доставили в лагерь. Один из них должен был пролежать недели три в постели, чтобы оправиться от ранений.

23 августа вся наша альпинистская группа (Дорофеев, Розмирович, Россельс, я и два красноармейца) решила итти открытым нами перевалом, чтобы окончательно исследовать путь.

Мы довольно быстро добрались до ущелья и поднялись на установленный нами перевальный пункт; на хребте мы поставили большую каменную пирамиду в знак того, что здесь находится перевал через хребет.

Затем начали спускаться.

Спуск оказался труднее, чем мы ожидали. Мы два раза встречали сплошную ледяную стену, по которой спуститься было невозможно: приходилось прорубать ступеньки во льду. Рубили мы, стоя на ледяном скате и держась за веревку. На эту работу ушел целый день. Только к вечеру следующего дня мы смогли одолеть это ледяное пространство. Для того чтобы съэкономить продовольствие, которого нам могло потребоваться еще надолго, мы решили отправить обратно в оперативный лагерь сопровождавших нас носильщиков-таджиков. Затем мы двинулись дальше по направлению к реке. Куда мы идем и сколько времени будем еще итти, мы не знали...

Через день мы подошли к бурливой горной реке. Река разбивалась на четыре рукава, сдавленные между камнями. По эту сторону реки тянулся крутой каменный отвес, по которому итти было невозможно. Необходимо было переправиться на другую сторону.

Эта переправа нам дорого стоила. Мы начали переправляться очень поздно, когда вода была бурная. Первый и второй рукава мы перешли довольно удачно. Вода была по пояс. Однако третий рукав был самый бурный, самый глубокий и широкий. Три или четыре раза пытались мы его перейти, но как только входили в воду по грудь, оказывалось, что дальше итти невозможно: вода рвалась с такой силой, что сшибала с ног. Приходилось итти назад, тем более что прибывавшая вода грозила всех нас смыть с острова, на котором мы укрепились.

Однако назад оказалось итти нелегко. Первым вода сшибла с ног Россельса. В середине реки его закрутило и понесло. К счастью, веревка, которую мы протянули через реку и за которую он держался, попала ему под плечи, и мы вытащили его на берег; он был почти без сознания. Однако Россельс скоро оправился.

Мы попытались переправиться в другом месте и кое-как выбрались на островок. При следующей переправе со мной случилась такая же история, как и с Россельсом. Вода сшибла меня с ног как раз посередине рукава и понесла. Два товарища, шедших со мной, схватили меня один за плечи, другой за шею; веревка зацепилась поперек груди. Через несколько минут им удалось вытащить меня на берег. Я отделался только потерей ледоруба, шляпы и очков, зато товарищи потеряли платье и сапоги, которые держали в руках.

Выйдя на берег, мы оказались в очень тяжелом положении. Нам ничего не оставалось, как воспользоваться оставшимися двумя-тремя часами до захода солнца, чтобы немного обсушиться и устроиться на ночлег. На следующий

день с утра мы должны были снова попытаться перейти эти злосчастные рукава.

Однако наутро мы убедились, что вода почти не убыла; таким образом мы находились в таком же положении, что и накануне. Напрасно мы пытались переправиться выше по реке. Волей-неволей пришлось вернуться на крутой берег. По отвесным скалам, цепляясь за выступы камней, мы упорно двигались вперед. Где-то вдалеке перед нами мерцал огонек: очевидно, там было селение. Продовольствие у нас вышло, и нужно было как можно скорее добраться до неведомого кишлака.

Наконец мы подошли к крутой скале, которую нельзя было обойти ни по воде, ни по суше, и остановились в нерешительности. Внезапно мы заметили на другой стороне реки четырех всадников, которые во весь опор скакали к берегу. Сперва мы подумали, что это представители того дикого племени, которое, как писали некоторые исследователи, обитало в верховьях Ванча и никого не пускало к себе. Оказалось, однако, что это был председатель кишлачного совета с тремя товарищами: они выехали нам навстречу и радостно приветствовали с другого берега. Один из них, подвязав под плечи пузыри, быстро переплыл реку и показал нам тропинку, по которой можно было добраться до селения. Итти пришлось еще километров пятнадцать. Наконец-то мы добрались до населенной местности...

Само собой разумеется, все легенды о диком племени оказались выдумкой: в селении жили те же трудящиеся таджики, у которых был свой совет. Они приняли нас радушно и гостеприимно. Прибытие людей с той стороны хребта было для таджиков большим событием. Ни они сами, ни их деды, ни прадеды не переходили через хребет. От таджиков мы узнали, что мы попали не на реку Язгулем, а на реку Ванч; если мы пойдем на 35 километров ниже, перейдем еще через один хребет, то спустимся в долину реки Язгулем. Это потребует около 3 дней.

Мы решили не задерживаться у гостеприимных ванчцев, так как было уже 28 августа, а 30-го мы, по условию, должны были встретиться с Горбуновым. Закупив продовольствие, мы на следующий же день двинулись дальше.

Первые двадцать пять километров мы проделали легко: двигались все время по проторенной тропинке. Через два дня, делая километров по 30—40 в день, мы перевалили по указанной нам дороге поперечный, отделявший Ванч от Язгулема, хребет на высоте 4150 метров и 31 августа дости-

Мы надели „кошки“ и запаслись ледорубами для подъема по снежной стене..

гли последнего населенного пункта на Язгулеме. До нас здесь не было ни одного европейца.

Решено было выждать прибытия Горбунова: в поселке мы нашли гонца от Горбунова с известием, что он опоздает на три дня и придет сюда не 30 августа, как было условлено, а 3 сентября.

Это время мы использовали, чтобы серьезно заняться фуражировкой. Поселок, где мы остановились, состоял всего из двух каменных лачужек, окруженных небольшим полем ячменя. У таджиков можно было достать лишь пару баранов да несколько ячменных лепешек.

Пока остальные товарищи заботились о заготовке продовольствия, мне было

Тучи, скрывавшие ближайшие вершины, рассеялись, и мы увидели за лощиной большую широкую долину...

предложено вместе с одним красноармейцем отправиться вперед и попытаться дойти до Танымасского перевала; для этого мы должны были двигаться вверх по реке Язгулем, пройти до ее истоков и попытаться найти перевал на ту сторону. Для того чтобы дойти до перевала, по словам местных жителей, требовалось два-три дня, и несколько дней — на перевал. Я решил пройти это расстояние в два дня.

V

Вверх по Язгулему. — Лестница гигантов. — На ледяном плато. — Где же конец пути?.. — Следы на снегу. — Перевал открыт. — Встреча с товарищами. — Таджики заболевают. — «Памирский чай». — Где мы? — Ледник Федченко побежден!

2 сентября рано утром мы с т. Сухотдиновым двинулись в путь, захватив с собой маленькую палатку и немного пищи (большими запасами мы не располагали); сухие ячменные лепешки были главным нашим питанием, — оставалась лишь одна банка мясных консервов, чая и сахара уже давно не было. Кроме того, мы захватили запас сухих дров.

К вечеру первого дня мы подошли к верховью Язгулема, и перед нами открылась огромная ледяная бугристая равнина, покрытая камнями и грязью.

Весь следующий день мы шли по ледяным буграм; путь был очень тяжел. Больше всего обременяли нас поленья дров, которые мы тащили на спине. К вечеру второго дня перед нами открылась новая равнина, покрытая снегом и сжатая со всех сторон каменными горами. Впереди был виден колоссальный ступеньчатый ледник.

Утром третьего дня нашего путешествия мы подошли к леднику, спускавшемуся уступами. Там и сям виднелись гигантские ледяные колонны и причудливые арки. Справа и слева равнина замыкалась каменными горами высотою в 2—$2^1/_2$ километра.

Надо было решить, куда итти: прямо на эту стену через ледяные глыбы и кручи, или обойти ее сбоку. Однако обойти ледяную стену оказалось невозможным, и мы решили двинуться прямо в лоб на кручу.

В 10 часов утра мы начали подъем. Однако к трем часам дня мы добрались едва ли до половины стены и должны были признаться, что дальше итти нельзя. Мы оказались сидящими на остром выступе ледяной скалы; прямо перед нами разверзалась пропасть, кругом торчали ледяные иглы, в несколько раз превышавшие человеческий рост.

Волей-неволей пришлось возвращаться обратно. Спускаться было гораздо труднее, чем подниматься. Чтобы избежать опасности, я решил спускаться в том месте, где каменная стена вплотную подходила к ледяной круче. Однако, едва мы подошли к этому месту, как сверху сорвалась огромная снежная глыба и с ужасным шумом обрушилась в пропасть. Пришлось отойти подальше от каменной стены.

В тот момент, когда казалось, что мы уже вне опасности, сорвавшийся с утеса большой камень сшиб меня с ног. Если бы не т. Сухотдинов, оказавший мне быструю помощь, мы едва ли отделались бы так счастливо.

Таким образом наша попытка найти перевал оказалась неудачной. На следующий день мы решили обойти ледяную кручу с другой стороны и начали взбираться на каменную стену. После полуторачасового подъема мы очутились на вершине каменного хребта. Оказалось, дальше шла ледяная равнина. Мы быстро двинулись вперед с намерением узнать, нет ли в конце ледяного плато перевала на ту сторону. Мы долго шли, а снежное поле упорно поднималось вверх, и конца ему не было. Если бы мы остались здесь ночевать, мы рисковали бы замерзнуть: палатка и теплая одежда были оставлены внизу, на нас были только свитры и ватные куртки. Да и пищи почти не было, — мы съели последнюю банку консервов, и у нас оставалось лишь несколько ячменных лепешек.

Делать нечего, приходилось возвращаться, не дойдя до конца ледяного поля. Но как раз в тот момент, когда мы решили двинуться назад (мы были тогда уже на высоте 5200 метров), мы заметили, что наши следы пересечены другими человеческими следами. Это были следы альпинистских сапог с гвоздями и кошек. Радостный крик вырвался у нас из груди. Это означало, что здесь были люди с той стороны хребта, что наши товарищи уже поднимались сюда. Итак, если мы пойдем по этим следам, мы найдем путь на ту сторону. Таким образом открыт был новый перевал.

Веселые и довольные, мы со всех ног бросились назад, стараясь до темноты попасть к месту своего ночлега. Спускаться нам пришлось почти в полной темноте. Часов около восьми вечера мы подошли к палатке. На следующий день сюда должны были подойти с верховьев реки Язгулем и наши товарищи, которых мы ожидали с нетерпением. Мы были в тяжелом положении, — продовольствие у нас иссякло—нашей пищей были кружка кипятка и ячменная лепешка. Если бы товарищи не подошли во-время, нам грозила бы голодовка.

В 2 часа дня 6 сентября наши товарищи прибыли, а с ними и группа Горбунова, с которой они успели соединиться. Времени у нас было мало, и мы решили немедленно двинуться дальше. Мы выступили из лагеря в следующем составе: я, тт. Розмирович, Россельс, Горбунов, Дорофеев, три красноармейца и шесть носильщиков-таджиков, которые тащили груз. Мы направились по пути, который был проложен нами накануне, и благополучно поднялись на снежное поле.

Но вот снова начались злоключения: наши таджики были плохо одеты, мороз достигал 15° (мы находились на высоте 4800 метров), и носильщики, чтобы согреться, в первую же ночь, пока мы спали, сожгли все дрова. Таким образом нам предстояло путешествие по льду без топлива, а следовательно, без чаю и горячей пищи.

Второе несчастье заключалось в том, что таджики заболели горной болезнью. Нам, привычным бродягам по горам, было сравнительно легко переносить разреженный воздух, а таджики не выдержали: у них появились головокружение, рвота, слабость, сердечные припадки. Отчасти это объяснялось тем, что они как му-

Мы рубили, стоя на ледяном скате и держась за веревку..

сульмане не ели сала, а питались одним хлебом. Пришлось больных тащить на себе и груз их разделить между остальными. Это, конечно, было большим тормозом.

И снова целый день до самой ночи шли мы по снежной равнине. Лишь к 7 часам вечера решили сделать остановку. Чтобы узнать, где кончается этот проклятый подъем, я, Горбунов и Дорофеев решили подняться на одну вершину, находившуюся с левой стороны. Взобрались и ахнули... Перед нами был обрыв не менее 1000 метров глубиной; далеко-далеко виднелась долина реки Ванч. Оказывается, все это время мы вертелись, как белка в колесе. Мы были совершенно дезориентированы. Однако делать было нечего. Пошли дальше.

Был отдан приказ еще больше сократить наш паек: мы питались главным образом «памирским чаем», то-есть ледяной водой. Мы прошли еще 10 километров по снежному полю. Начинался пологий спуск. Случайно обернувшись, мы остановились пораженные: одна из снежных гор показалась нам странно знакомой. Мы установили, что это была та самая гора, которую мы видели, когда впервые выходили из лагеря № 2, направляясь к первому перевалу. Эта гора разъяснила нам все и позволила ориентироваться: пройдя на ту сторону хребта, в долину реки Язгулем, и поднявшись снова на хребет, мы попали опять к горе, замыкающей южный склон гигантского ледника Федченко. Теперь было ясно, почему здесь находились следы наших товарищей-альпинистов. Немцы, конечно, должны были повернуть к южному концу ледника Федченко, тогда как мы отправились на север. Таким образом мы снова попали на основной ледник. Отсюда могло быть всего каких-нибудь 30 километров до лагеря № 2. Это нас сразу окрылило: мы знали, где мы, и могли рассчитывать к вечеру добраться до лагеря. Тотчас же был отдан приказ съесть всю баранину; это было большим подкреплением для всех, но так как у нас были больные, пришлось все же потратить еще день, чтобы дойти до лагеря.

Однако наши злоключения еще не кончились. Мы послали вперед товарища, для того чтобы нам прислали из лагеря продовольствия и дров. Возвратившись на следующее утро, товарищ сообщил, что лагерь № 2 пуст, что товарищи из него перешли в третий лагерь, который находится еще на 20 километров к северу. Это нас обескуражило: нам предстоял еще долгий тяжелый путь с грузом и без продовольствия. Прошел еще день, пока мы добрались до места, где был расположен новый лагерь.

Товарищи были очень рады нашему возвращению. Ведь мы пропадали 18 дней, тогда как намерены были отсутствовать

только 8 дней. Они не знали, где мы, что с нами. Ими было послано радио, которое напугало всех в Москве, о том, что наша группа пропала и никаких вестей о ней нет. Мы рассказали товарищам о наших похождениях, поделились торжеством по поводу открытия двух перевалов. Итак, нами были исследованы верховья рек Ванча и Язгулема и пройден гигантский ледник Федченко (километров 50) с севера на юг.

VI

На приступ ледяной вершины. — Вдвоем с Финстервальдером. — По пути водопадов. — Падение Финстервальдера. — Спуск на полушубке. — Пик не дается нам. — Путь к Алтын-мазару. — Немцы на пике Ленина. — Назад в Москву. — Результаты экспедиции.

Было решено, не задерживаясь в лагере, двигаться на север к селению Алтын-мазар, куда окружным путем должны были быть переброшены наши лошади. Отпуска наши кончались, и пора было возвращаться в Москву, тем более что основная задача экспедиции, для которой были приглашены мы — альпинистская группа, — была выполнена: ледник пройден, хребет перейден дважды, перевалы открыты, новые пути установлены.

Мы хотели пройти последние 50 или 40 километров до Алтын-мазара к 13 сентября. Нужно было лишь достать некоторые вещи из лагеря № 2, без которых нельзя было обойтись в пути. Для этого пришлось задержаться еще на два дня. Часть товарищей и немецких альпинистов с т. Шмидтом ушли на один день раньше, а наша группа осталась дожидаться вещей.

Мне было обидно, что у нас слишком много времени ушло на открытие перевала и что в то время, как немецкие альпинисты совершали восхождения на высокие вершины (до 6600 метров), — максимальная высота, на которую мне пришлось подниматься, была 5300 — 5400 метров. Впереди поднимала снежную голову еще одна вершина, самая высокая в этом районе. По приблизительным исчислениям ее высота была 6100 — 6200 метров. Я решил использовать последний день, чтобы взобраться на эту вершину.

Весь следующий день мы шли по ледяным буграм; путь был очень тяжел...

Другие товарищи, однако, отказались от этого предприятия, они благоразумно предпочитали употребить весь день на отдых перед трудным путем по льду. Было решено, что со мной отправятся только немецкий ученый Финстервальдер, его помощник Бирзак и два таджика. Немцы хотели произвести с этой вершины измерения специальным геодезическим инструментом, которым они делали съемки всей местности.

Мы вышли из лагеря часа в два и направились к горе. Часам к шести вечера мы уже были на высоте приблизительно 5000 метров. Мы раскинули маленькую альпинистскую палатку, с тем чтобы на следующий день часа в 4 утра двинуться на приступ вершины.

Проснувшись, мы увидели, что окружающая обстановка крайне неблагоприятна для подъема. Со всех сторон громоздились тучи, которые поднимались снизу и заволакивали все кругом. Дул резкий пронизывающий ветер; термометр показывал — 11°; снег вот-вот должен был пойти. Ни о какой работе на вершине нечего было и думать.

Тем не менее я решил подняться на вершину. Из всех моих спутников со мной согласился итти только Финстервальдер. И вот, простившись с остальными, взяв с собой запас шоколада, кусок сала и две-три банки консервов, мы двинулись вдвоем вперед.

Скоро товарищи скрылись в тумане, а нас со всех сторон окружили облака. Пошел снег. Началась самая тяжелая часть нашего пути. Мы поднимались в сплошном тумане: на расстоянии 5 шагов ничего не было видно. Когда мы взобрались на гребень горы и пошли по снежному полю, невольно закрались сомнения, стоит ли итти дальше. Высотомер показал, что мы находимся на высоте 5600 метров.

Закусив немного, мы стали рассуждать, что нам делать.

— Ну, что ж, пойдем? — спросил Финстервальдер.

— Пойдем, — ответил я.

— Пойдем, несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что!

— Взберемся?

— Непременно!

И мы снова двинулись вперед, среди тумана, снега и мелкого дождя...

Сверху сорвалась огромная снежная глыба и с ужасным шумом обрушилась в пропасть...

Наш аппарат показывал, что мы находимся на высоте около 5700 метров, то-есть на 100 метров выше Эльбруса. На всякий случай мы связались веревкой и начали взбираться. Путь был очень труден—он шел по обледенелым камням и скалам. Правда, кошки своими стальными зубьями глубоко врезались в лед, но плохо было то, что приходилось руками хвататься за обледенелые камни. Несмотря на теплые перчатки мороз давал себя чувствовать.

Мы поднимались час или полтора. Наконец лед исчез. Голая отвесная черная скала возвышалась перед нами. Мы ока-

зались перед одним из пиков. Кошки нам здесь помочь уже не могли. Казалось, дальнейший подъем не возможен.

Мой спутник предложил вернуться, заявив, что все равно из-за снега ничего не видно. Я с этим не согласился: пока есть возможность, нужно итти вперед. Но как итти, когда перед нами отвесная стена? Между выступами камней, однако, была небольшая ложбинка, некогда пробитая водопадами. По этой ложбинке мы и решили взобраться вверх. Нам пришлось цепляться за выступы камней, с трудом выискивая куда бы поставить ногу. Так продвинулись мы метров на 20 или 30, пока не оказались на маленькой площадке около метра шириной. Здесь кончалась ложбинка, и дальше итти было невозможно.

— Дальше итти некуда, — обратился ко мне Финстервальдер.

Я снова с ним не согласился.

— Надо взобраться, — сказал я. — Посмотрите: вот справа в гребне скалы как будто выемка. Нам нужно туда добраться и посмотреть, может быть, с той стороны каменной скалы подъем более легок.

— Хорошо. Пойдем. Посмотрим.

Три или четыре шага нужно было сделать по узкому каменному карнизу. Но и с той стороны стены оказался ледяной отвес, на котором нога не могла удержаться. Финстервальдер снова предложил итти назад. Я все еще не хотел сдаваться. Держась друг за друга, мы стали совещаться, как быть.

До вершины оставалось не больше 50 метров. А на какой высоте мы сейчас находимся? Я посмотрел на аппарат, висевший у меня через плечо. Он показывал 6150 метров. Дальше итти невозможно...

Как всегда, спуск оказался гораздо труднее подъема. Приходилось проверять каждый шаг и, опустив ногу, подыскивать упор. Нам нужно было поскорее добраться до льда, где мы могли бы пользоваться кошками. С большими трудностями мы прошли ложбинку.

Кругом было все так же темно, не было видно даже проложенных нами недавно следов. Чтобы сократить путь, мы решили спуститься по почти отвесному ледяному скату. Мы начали спускаться, не связавшись веревкой, и первые несколько шагов по снегу сделали довольно свободно. Но вскоре снег превратился в сплошной лед; спуск был так крут, что и кошки не могли нас на нем удержать. Пришлось прибегнуть к ледорубу.

Не успел Финстервальдер прорубить двух-трех ступенек, как поскользнулся и полетел вниз по ледяному скату, судорожно цепляясь руками за неровности льда. Но крутизна была такая, что он, конечно, удержаться не мог. Я ничем не мог ему помочь. Схватившись обеими руками за воткнутый в лед ледоруб, я смотрел, куда катится мой товарищ. Вопрос был в том, есть ли внизу трещина или нет. Если есть трещина, он погиб, нет трещины, он сядет в снег, и все обойдется прекрасно. К счастью, трещины не было, — внизу расстилалось сплошное снежное поле. Финстервальдер скатился туда и застрял в снегу, отделавшись несколькими глубокими ссадинами на руках и на боку.

— Ну, Финстервальдер, как вы себя чувствуете? — крикнул я ему сверху.

— Ничего, — отвечал потерпевший.

— Тогда я сейчас съеду к вам.

— Как съедете?

— Сяду на полушубок и съеду.

— Нет, нет, не надо!

Решив, что это в данном случае наиболее правильный способ сообщения, я преспокойно съехал вниз. По глубокому снегу мы благополучно добрались до места ночлега, разбудили наших товарищей и вместе с ними отправились в третий лагерь. Помощник Финстервальдера Бирзак остался на этом месте, так как решил дождаться хорошей погоды, взобраться на вершину и проделать необходимые научные работы.

К вечеру мы были уже в лагере.

Как нарочно, на следующий день ласково сияло солнце. Нам снизу было видно, что мы накануне лезли буквально на каменный отвес, в то время как в каких-нибудь ста метрах вправо был более пологий подъем на вершину.

На следующий день мы решили выступить уже все вместе, чтобы проделать последний переход, пройти неисследованную часть ледника Федченко и дойти до селения Алтын-мазар. Этот путь занял у нас еще три дня. Мы вышли 13 сентября, построив предвари-

тельно на месте нашего лагеря огромную каменную пирамиду и положив под нее стеклянную, герметически закупоренную банку с запиской, где указывали все возможные маршруты от этого места: к долине реки Танымас, к долинам рек Ванч и Язгулем и на Танымасский перевал.

Довольно легко прошли мы 30 километров ледника и подошли к его концу, упиравшемуся в реку Мууксу. Здесь мы распростились с ледниками, — больше мы их не увидим.

Наконец мы добрались до селения Алтын-мазар, где нас ждали лошади. Постепенно сюда стягивались все части экспедиции. Мы держали совет о том, что делать дальше. Мне, Шмидту, Розмирович и Россельсу пора было возвращаться в Москву. С другой стороны, план обследования местности был выполнен на 100%.

Немцы, однако, прельщали нас еще одной задачей. Они хотели совершить восхождение на пик Ленина. Нам очень хотелось пуститься вместе с ними в это предприятие, но приходилось рассуждать так: для этого нужно было недели на две просрочить отпуска, на что мы не имели права, а с другой стороны, было весьма сомнительно, чтобы в эту пору нам удалось взобраться на пик Ленина, тем более, что пути туда мы не знали. Благоразумие взяло верх, и мы после долгих колебаний отказались от участия в этом предприятии и двинулись обратно. После нашего отъезда немецкие альпинисты с чрезвычайными трудностями выполнили это предприятие: Альвейн, Вин и Шнейдер взобрались на пик Ленина, где еще не ступала нога человека. Один из них при этом отморозил ноги и лишь с трудом оправился. Подниматься приходилось при 20° мороза. Немецкие альпинисты в праве гордиться этим восхождением. Конечно, обо всем этом мы узнали лишь в Москве.

18 сентября мы тронулись верхом из Алтын-мазара и снова углубились в горы, поднимаясь на один из отрогов Заалайского хребта. Нам предстоял теперь путь до города Ферганы уже не по снежным хребтам, а по более низким горам. Правда, нужно было одолеть еще два перевала высотой в 3600 метров каждый. Последний перевал был Тангизбай, ведший в одно из красивейших ущелий Ферганы.

Весь этот путь мы сделали в два дня. 23 сентября мы прибыли в город Фергану, откуда послали телеграмму в «Известия ЦИК», в которой сообщали о благополучном окончании нашей экспедиции и о том, что основное задание нами выполнено.

Финстервальдер поскользнулся и полетел вниз по ледяному скату...

28 сентября мы были уже в Москве. Давая отчет, мы с гордостью могли сказать, что четырежды пересекали неисследованную область и помогали нашим научным работникам уничтожить белое пятно на карте Памира.

Остается подвести итоги экспедиции в другой области. Благодаря проделанной нами работе, дорога на Памир открыта для дальнейших исследователей и туристов. Немного энергии, настойчивости и решимости, побольше презрения к опасностям, уверенности в себе и инициативы — и многие из моих читателей смогут ознакомиться с этой интересной страной. Я уверен, что в скором времени по нашим следам двинутся вереницы смелых советских туристов.

Т 193
81
Библиотека СССР имени В. И. Ленина

ВСЕМИРНЫЙ

ТУРИСТ

1930 г.
№ 6
З И Ф

Дальние маршруты

ПАМИР

Общие сведения

Географически Памир занимает самую южную часть СССР: широкой полосой он вклинивается между границами Китая и Афганистана и только узким, незначительным пространством, занятым отрогами Гималаев, отделяется от Индии.

Памир представляет собою типичную горную страну, изрезанную во всех направлениях снежными хребтами и высоко поднятыми над уровнем моря долинами. Здесь мы имеем огромное вздутие земной коры, результат интересного геологического процесса, относящегося к первому периоду формирования нашей планеты. Памир является пунктом, где наиболее резко и наглядно делился материк старого света на восток и запад, на северную и южную половины. Его положение в узле высочайших гор, его недоступность и громадная высота невольно указывают на Памир как на место, где впервые возникла органическая жизнь и откуда берут начало проблески самой древней цивилизации. Здесь, среди хмурых, величавых громад — колыбель человечества, его первые кровавые опыты жить. С окраин Памира стекают реки: Аму-Дарья (древний Окс), Сыр-Дарья, Тарим, Инд, к востоку находятся земли, занятые иранцами, впервые двинувшимися на запад.

Центральная часть Памира в настоящее время необитаема. Здесь камень, песок, разреженный от слишком большой высоты воздух и палящее днем солнце. Мертвая тишина и постоянный пронизывающий до костей ветер. Цвет гор, их строение и расположение друг к другу совсем не похожи на то, что обычно приходится видеть в других горных районах. Необычайная путаница хребтов, ущелий и котловин представляется в таких комбинациях и оригинальных контрастах, которые невозможно найти нигде.

На Памире сохранились следы самых древних образований земной коры (неолитической и палеозойской эпохи). В горах имеются редкие минералы. В долинах совершенно особые виды растительного и животного мира. Все это естественно служит причиной повышенного внимания к изучению Памира со стороны ученых и исследователей.

И недаром с момента присоединения Памира к границам царской России (в 1895 г. по договору с Англией) сюда почти ежегодно направлялись научные экспедиции.

Условия работы на Памире необычайно трудны. Большие, совершенно безлюдные пространства и резкий континентальный климат создают едва преодолимые препятствия для передвижения и долгого здесь пребывания. Это и являлось главной причиной, почему огромные районы Памира на сотни километров оставались неисследованными.

Но с каждым годом таких мест остается все меньше и меньше. Пытливый ум исследователя проникает в самые отдаленные уголки Памира. Изучаются горные богатства, производится топографическая съемка местности, на географических картах вместо неопределенных штрихов и точек наносятся уверенные линии, показывающие направление хребтов и рек.

Туристы и альпинисты появились на Памире только с 1928 года. В этом году была организована советско-германская экспедиция, включившая в свой состав, кроме научных работников, и группу альпинистов. Кроме того, была проведена туристская экскурсия по центральному Памиру, организованная Российским обществом туристов.

Задачей советско-германской экспедиции являлась расшифровка белого пятна в верховьях Танымаса, в части наибольшего оледенения Памира, а также изучение метеорологических условий, организация биологических опытов, сбор растений и семян в таджикских кишлаках, изучение горных пород и полезных ископаемых.

По широте поставленных перед собою задач советско-германская экспедиция должна была охватить не только высокогорные районы Памира, но и области, тесно к нему примыкающие с западной стороны (районы Ванча и Язгулема). Здесь живут таджики-земледельцы, сохранившие в своем языке корни иранского и древнеперсидского наречий. Осевши в ущельях и по склонам гор, они кропотливо возделывают едва ли тысячную часть всей территории Памира. Нищета здесь невероятная. Основное блюдо таджика: болтушка из кипяченой воды и горсть муки. Весною, когда мука кончится, таджик уходит в горы и наравне со скотом питается съедобными травами. Скупая природа дает здесь для жизни человека слишком мало.

Пути в этой части Памира — сплошная борьба. Приходится каждую пядь земли преодолевать с большим трудом, местами с риском для жизни. Крутые зубчатые горы, и по ним узкая тропинка, проложенная по отвесным карнизам. Внизу бурлящий поток. Местами приходится переезжать его в брод или переплывать на турсуках.

Но преодоление всех этих трудностей вознаграждается богатством впечатлений и

суммой разнообразных знаний не только о природных особенностях, но и о жизни и быте этого народа, терпеливо прокладывающего себе путь к лучшему будущему.

Условия путешествия

Путешествие по Памиру связано с целым рядом серьезных препятствий.

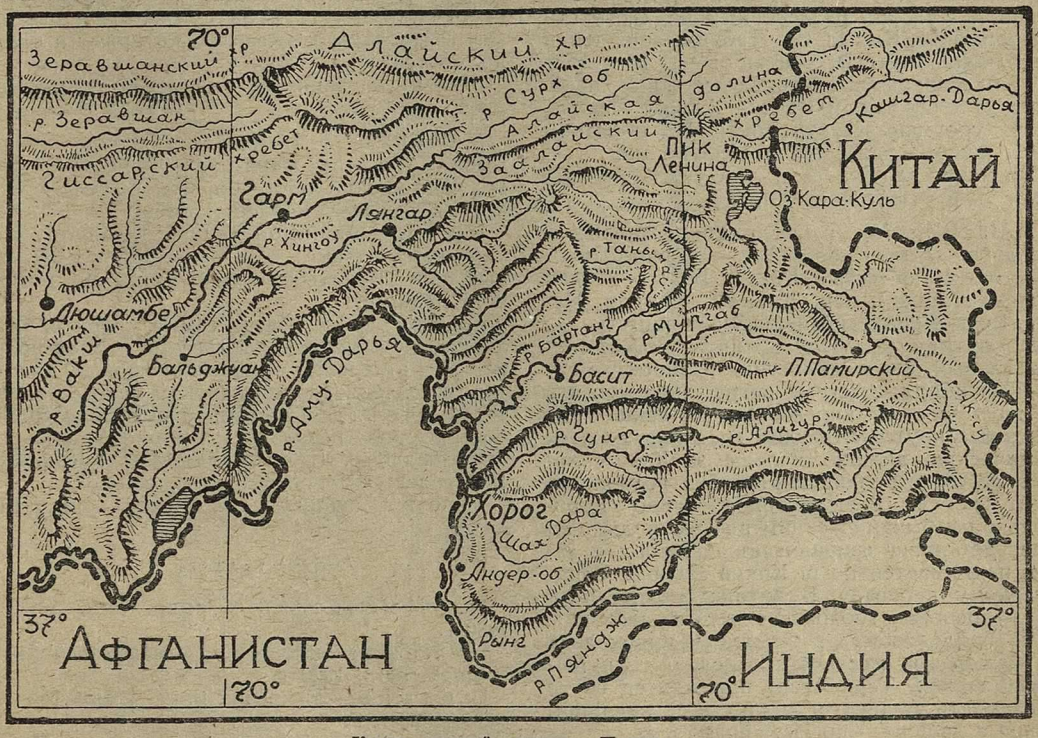
Прежде всего климатические условия: благодаря высоте и отдаленности Памира от водных бассейнов климат здесь отличается особой сухостью. Осадки совершенно ничтожны. Температура дает большие колебания: днем на солнце доходит до 25—30° Ц., а ночью спускается ниже нуля. Кроме того, почти ежедневно дует ветер; он начинается обычно с полдня и достигает наибольшей силы к вечеру, затрудняя до крайности передвижение.

Поэтому одним из главных предметов снаряжения является теплая одежда. Необходимо взять с собой овчинный полушубок или ватный халат, какой обычно носят узбеки. Его можно приобрести в любом городе в Средней Азии (цена 30—40 р.) Кроме того, следует иметь палатку и спальный мешок.

Запас продовольствия должен быть рассчитан на весь путь (главным образом сухари, рис и сахар). В центральной части Памира кочевники бывают только в районе озера Кара-Куль, по Кокуй-Белю и в нижнем течении Бартанга. У них можно достать баранину и молоко. В таджикских же кишлаках вопрос с продовольствием стоит еще острее. Здесь нет ни мяса, ни молочных продуктов. С большим трудом и не везде можно купить лепешки или муку. Поэтому о продовольствии нужно позаботиться перед началом поездки, чтобы затем не страдать от голода.

Большим подспорьем в отношении питания может служить охота: если в составе группы окажутся охотники, следует обязательно брать ружья и необходимое количество огнестрельных припасов.

Единственным способом для путешествия по Памиру является верховая езда. Благодаря сильной разреженности воздуха и постоянным ветрам пешее передвижение представляет здесь настоящий подвиг и доступно только для крепкого, выносливого организма. Следует при этом учитывать еще одно серьезное, непреодолимое для пешехода препятствие: это — реки. С большим трудом их приходится переезжать в брод, и только на лошадях.

Карта горной страны Памир.

Нанимать лошадей стоит очень дорого (3—5 рублей в день). Следует поэтому позаботиться о покупке лошадей. Более дешевые лошади в Ургенче (недалеко от Оша). Здесь можно приобрести годную для путешествия лошадь за 125—150 рублей.

Проводник необходим. Найти проводника легче всего через местный исполком.

Для защиты от солнца следует иметь дымчатые очки (консервы), а лица от ожогов — белую шелковую маску.

Лучшее время для путешествия по Памиру август—сентябрь.

Маршруты по Памиру

МАРШРУТ № 1: г. Ош — пер. Талдык — Алайская долина — Алтын Мазар — Дараут Курган — пер. Тенгиз Бай — Лянгар — Уч Курган — Фергана.

В первой своей части муршрут знакомит с бытом киргизов-земледельцев и скотоводов. Обширная равнина р. Гульчи (долина цветов), зимовки и кочевья. По дороге постоянно идут караваны в сторону Кашгара и обратно. Алайская долина заключена между двумя снежными хребтами—Алайским и Заалайским (с пиком Ленина). Бесконечный степной простор, разделенный на две части руслом реки Кызыл Су. Табуны лошадей и верблюдов, кутасы, отары овец. В районе Алтын Мазара высочайшие снежные пики. Отсюда ближайший подход к пику Ленина, через урочище Козгун Токай. На обратном пути живописная долина Исфайрама.

Времени для проезда требуется двенадцать дней (с остановками).

МАРШРУТ № 2: Ош — пер. Джиптык — Бардоба — пер. Кызыл Арт — долина Смерти — оз. Кара-Куль — Кокуй Бель — долина Билянд Киика — пер Каинды — Алтын Мазар. Возвращение по первому маршруту.

По пути к перевалу Джиптык смена растительных зон и обнажения разнообразных горных пород. Быстрые реки, узкие ущелья. В двух местах киргизские зимовки. Пер. Джиптык крутой и трудно доступный. Спуск в Алайскую долину. Дальше за Казыл Артом пустынные ландшафты, без всякой растительности. Высокогорное озеро Кара-Куль с необычайно синим цветом воды. Отсюда тропинка сворачивает на запад и затем поднимается по р. Кокуй Белю к одноименному перевалу. В долине Билянд Киика — древние геологические образования. Путь продолжается в течение четырех дней по безлюдной местности. После Алтын Мазара(за пер. Терс Агар) приходится снова переезжать Алайскую долину в ее западном конце и дальше — по Исфайраму.

От Оша до Ферганы по этому маршруту требуется двадцать два дня.

МАРШРУТ № 3: Дюшамбе — Кала и Хумб — устье р. Бартанга и затем выше по ее течению до Танымаса — долина Кок Джар — пер. Кызыл Белес — Кара-Куль — пер. Казал Арт — Алайская долина — пер. Талдык — Ош.

Дюшамбе — столица Таджикистана. Формы старого быта и новое культурное строительство. После Кала и Хумба под'емы по крутым, отвесным тропинкам. Таджикские кишлаки, часть из них населена зобатыми (Базедова болезнь). Трудно проходимое ущелье Бартанга. Танымас, в верховьях которого производилась работа советско-германской экспедиции. От Кок Джара путь идет по травянистым склонам, местах обнажения сланцевых пород, покрытых особым пустынным загаром. На восточном конце оз. Кара-Куль тропа смыкается с широким Памирским трактов, по которому и продолжается до г. Оша.

Весь путь занимает не менее тридцати дней.

МАРШРУТ № 4: Алайская долина — пер. Кызыл Арт — оз. Кара-Куль — пер. Ак Байтал—Памирский пост—Сарезское озеро—Хорог — Кала и Хумб — Дюшамбе.

Под'езд к Алайской долине по одному из трех направлений: из Оша через пер. Талдык, или Джиптык и из Ферганы по долине Исфайрама.

Маршрут захватывает самые далекие, мало посещаемые районы Памира и дает полное прадставление о строении горных хребтов, растительном и животном мире, жизни таджика-земледельца горной полосы. Сарезское озеро — результат огромного завала, происшедшего от землетрясения в феврале 1911 года.

Маршрут занимает не менее тридцати дней.

ЛИТЕРАТУРА

Ив. Мысовский — Памир. Изд. ОПТ. 1930 г.

Н. Крыленко — По неисследованному Памиру. ГИЗ. 1929 г.

П. Сажин — У крыши мира. «Мол. Гвардия». 1929 г.

Ерофеев — По крыше мира. «Мол. Гвардия». 1929 г.

Б. Лапин — Повесть о стране Памир. «Федерация». 1929 г.

С. Мстиславский — Крыша мира. ГИЗ. 1928 г.

И. М

Ответственный редактор Н. М. Яковлев. Зав. редакцией Вл. А. Попов.

В 1930 г. „Всемирный Турист" является прилож. к журн. „Всемирн. Следопыт".

Издан. 1-ое Акц. Изд. О-ва „Земля и Фабрика" („ЗИФ").

Главлит А — 70639. Тираж 53.000 экз. Тип. «Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», Москва